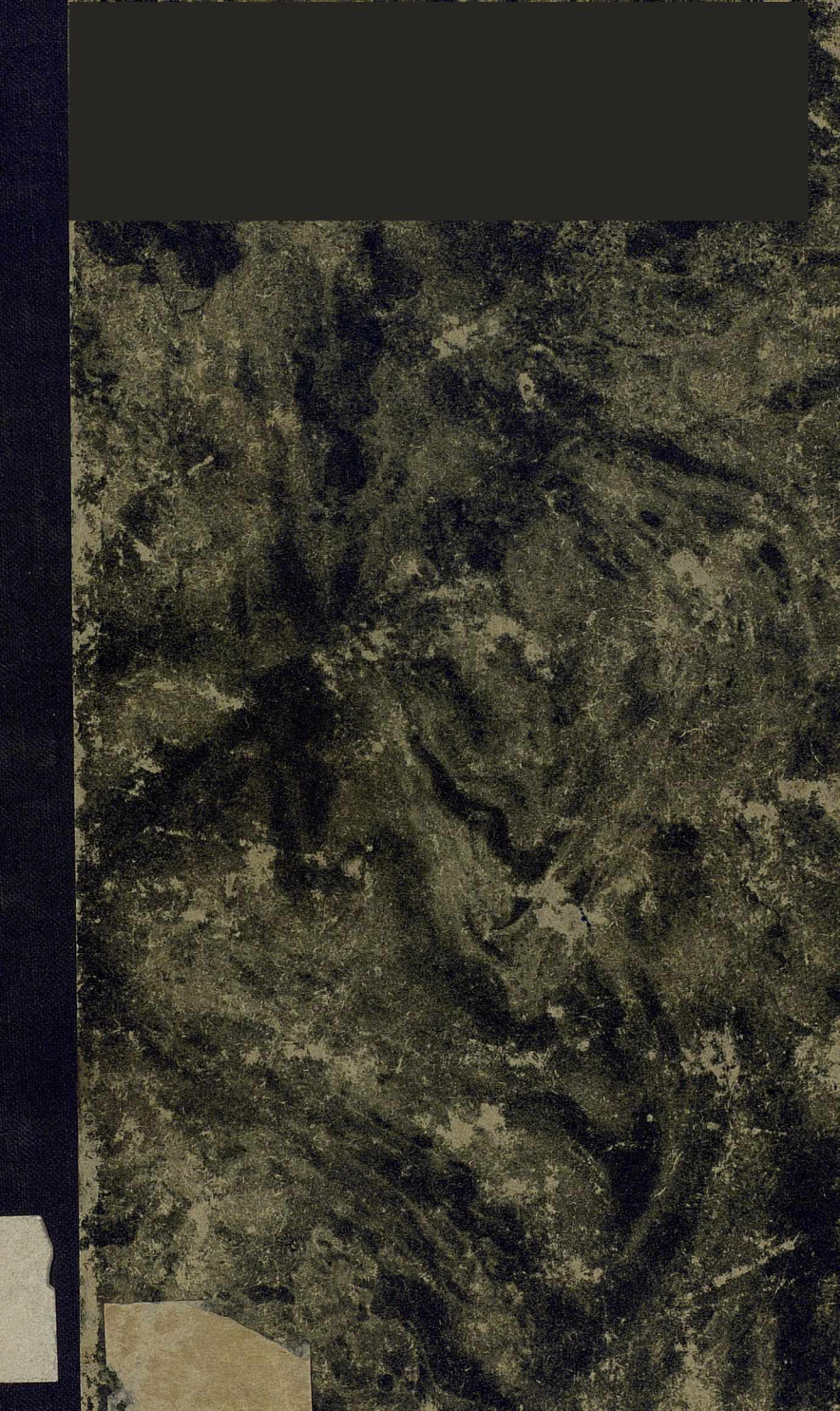
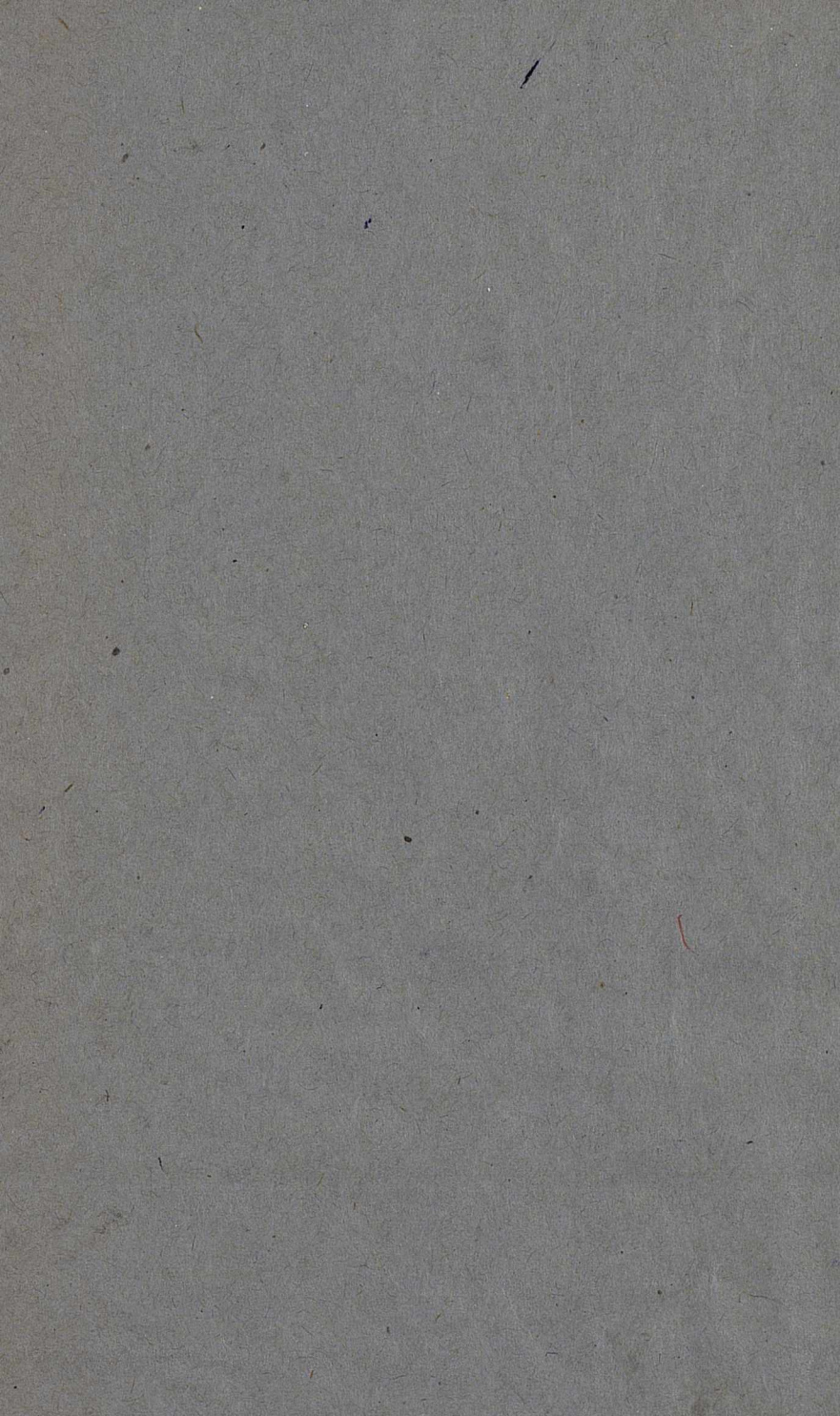
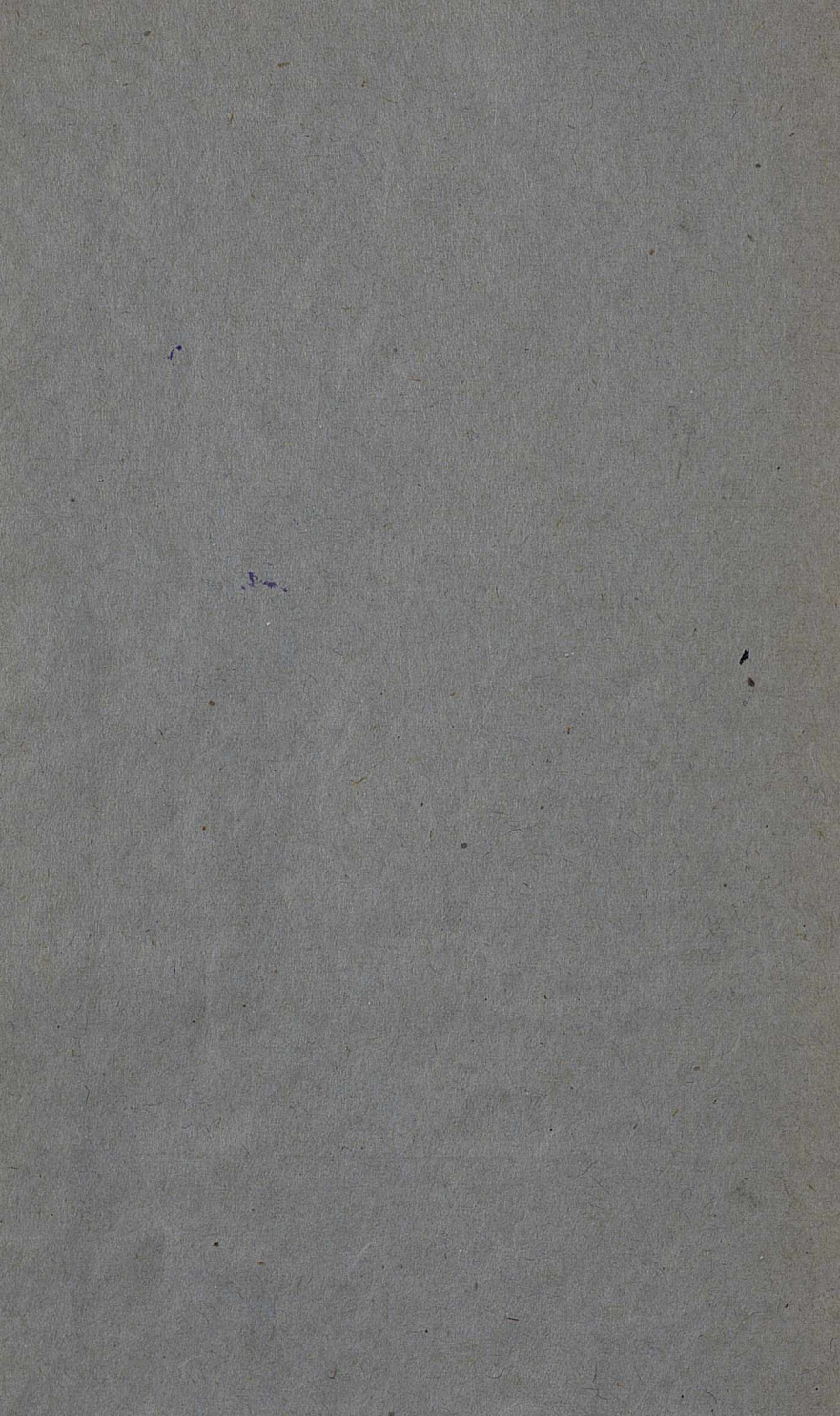

В. Номаровичъ.

Достоевскій

и „Египетскія ночи“ Пушкина.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники». Вып. XXIX.

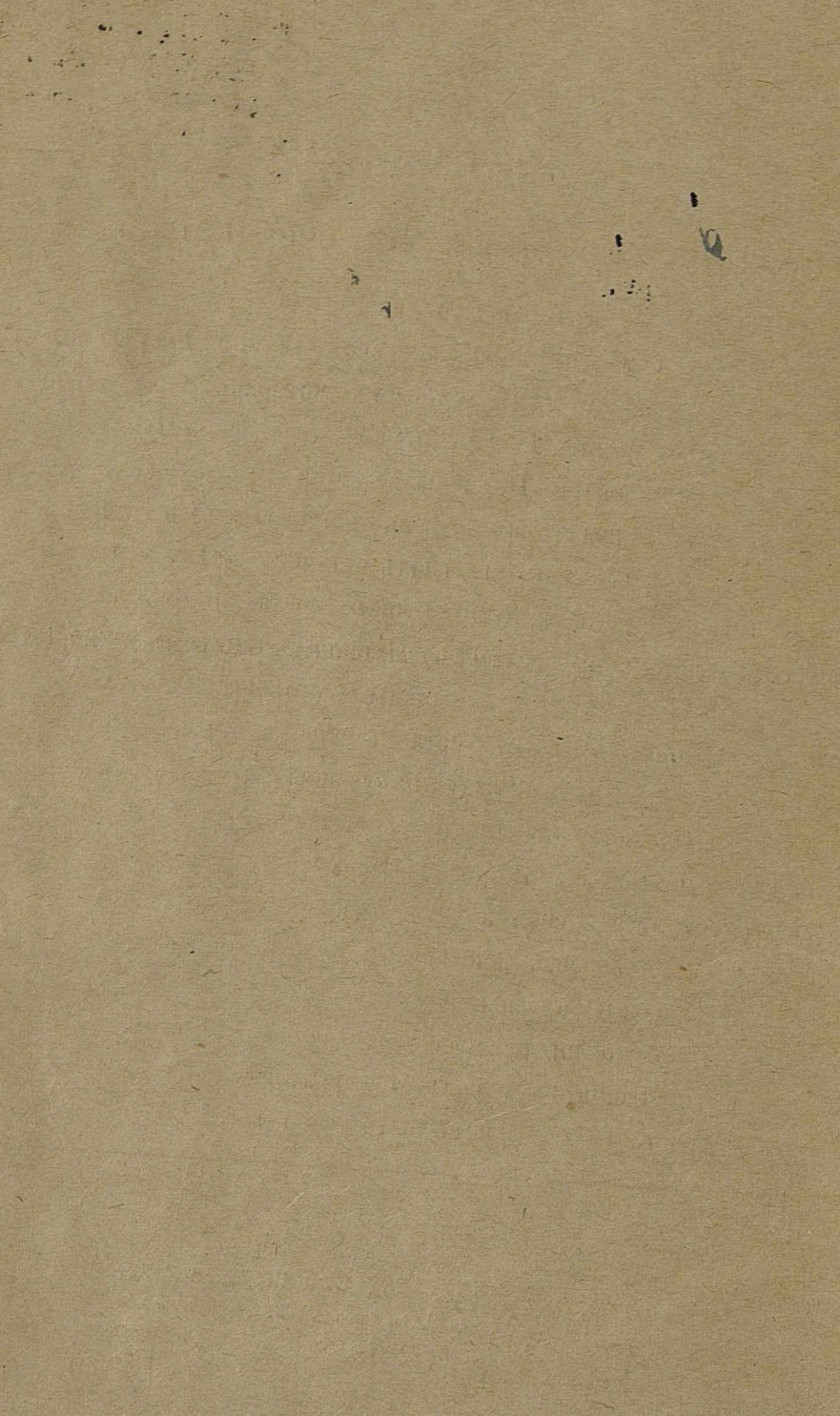

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнп., № 12.

1916.

Достоевскій и „Египетскія ночи“ Пушкина¹⁾.

Пушкинъ для Достоевскаго никогда не былъ только великимъ художникомъ: онъ прежде всего — «явленіе пророческое», въ немъ предрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которыми жилъ и страдалъ самъ Достоевскій. Поэтому Московская «Рѣчь о Пушкинѣ» — не только истолкованіе Пушкина, но и исповѣдь Достоевскаго, который хотѣлъ видѣть въ себѣ лишь продолжателя Пушкина... Достоевскій всегда какъ бы ждалъ отъ него совѣта и подтвержденія своихъ мыслей; поэтому часто, создавая тотъ или иной образъ, онъ провѣряетъ себя на Пушкинѣ: не даромъ въ періодъ созданія образа «идіота», «положительно прекраснаго человѣка», передъ воображеніемъ его встаетъ образъ «рыцаря бѣднаго»; не даромъ подростокъ, жаждущій «уединеннаго и спокойнаго сознанія силы», «еще въ дѣтствѣ выучилъ наизусть *монологи Скупого Рыцаря*»²⁾... и т. д. Но полнѣй всего это стремленіе Достоевскаго оправдать себя и какъ художника, и какъ мыслителя Пушкинымъ сказалось, конечно, въ Московской рѣчи, въ истолкованіи образовъ Татьяны, Алеко, Онѣгина...

«Надо еще непрерывно возбуждать въ себѣ вопросъ: вѣрны ли мои убѣжденія?» — писалъ Достоевскій — «провѣрка же ихъ одна — Христосъ»³⁾. Можетъ быть, въ области художественнаго

1) Докладъ, читанный 27 февраля 1916 года въ засѣданіи «Историко-литературнаго Клуба имени Пушкина» при Петроградскомъ Университетѣ.

2) Курсивъ нашъ.

3) Замѣтки изъ записной книжки Достоевскаго. См. «О. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ и т. д.» Вѣтринскаго, стр. 327.

выявленія этихъ убѣжденій такой провѣркой для него былъ Пушкинъ, но, конечно, Пушкинъ, истолкованный Достоевскимъ...

Одна, доннынѣ неизвѣстная статья Достоевскаго изъ журнала «Время» особенно наглядно иллюстрируетъ это невольное его стремленіе согласовывать свое творчество съ творчествомъ Пушкина. Статья эта называется «Отвѣтъ Русскому Вѣстнику»; напечатана она въ концѣ майской книги журнала «Время» за 1861 г., въ отдѣлѣ «Смѣси», и посвящена полемикѣ съ журналомъ Каткова. Здѣсь затрагивается вопросъ о русской народности и Пушкинѣ, какъ выразителѣ народнаго духа; между прочимъ, статья журнала «Время» горячо защищаетъ «Египетскія ночи» Пушкина отъ нападокъ «Русскаго Вѣстника», отказывавшагося видѣть въ этомъ произведеніи что-либо большее, чѣмъ только «фрагментъ, намекъ, мотивъ, нѣсколько чудныхъ аккордовъ, въ которыхъ что-то чувствуется, но ничто еще не раскрывается»...

Еще Н. Н. Страховъ, другъ и біографъ Ѳедора Михайловича, указывалъ на его авторство по отношенію къ этой статьѣ: А. Г. Достоевская въ своемъ «библіографическомъ указателѣ» произведеній Ѳедора Михайловича называетъ и эту статью, дѣлая, однако, примѣчаніе: «По мнѣнію Н. Н. Страхова статья написана Ѳ. М. Достоевскимъ»¹⁾. Но большое сходство встрѣчающихся здѣсь отзывать о «Египетскихъ ночахъ» съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ «Пушкинской рѣчи», почти тождество отдѣльныхъ выраженій—уже окончательно убѣждаютъ въ авторствѣ Достоевскаго.

«А вотъ и древній міръ, вотъ «Египетскія ночи», вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него болѣе, ставшіе впрямь уединенными богами и обезумѣвшіе въ отъединеніи своемъ, въ предсмертной скукѣ своей и тоскѣ

1) См. «Библіографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго, собранныхъ въ «Музеѣ памяти Ѳ. М. Достоевскаго» въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III. 1846—1903 г.» А. Г. Достоевской, стр. 36.

тѣшашіе себя фантастическими звѣрствами, сладострастіемъ насѣкомыхъ, сладострастіемъ пауковой самки, съѣдающей своего самца». Такъ говорилъ Достоевскій о «Египетскихъ ночахъ» на Пушкинскомъ праздникѣ въ 1880 году. Какъ увидимъ ниже, этотъ отрывокъ изъ «Рѣчи о Пушкинѣ» является краткимъ конспектомъ конца статьи «Отвѣтъ Русскому Вѣстнику», сохраняющимъ нѣкоторыя выраженія этой статьи¹⁾... Несмотря на столь явную принадлежность указанной статьи журнала «Время» перу Достоевскаго, мы не находимъ ея ни въ одномъ изъ имѣющихся изданій его сочиненій²⁾...

«Египетскія ночи» Пушкина всегда были однимъ изъ любимыхъ произведеній Достоевскаго: еще въ Семипалатинскѣ, въ 1854 году, онъ, по словамъ бар. А. Е. Врангеля, «любилъ декламировать, особенно Пушкина; любимые его стихи были «Пиръ Клеопатры» изъ «Египетскихъ ночей». Лицо его при этомъ сіяло, глаза горѣли... какъ то вдохновенно и торжественно звучалъ голосъ Достоевскаго въ такія минуты»³⁾. Этотъ внутренній пафосъ, о которомъ говоритъ Врангель, сдержанный, глубокій восторгъ проникновеннаго цѣнителя поэзіи Пушкина чувствуется въ каждой строчкѣ, въ каждомъ словѣ забытой статьи Достоевскаго о «Египетскихъ ночахъ»: «... развивать и дополнять этотъ фрагментъ въ художественномъ отношеніи болѣе невозможно... тогда вышло бы нѣчто *совершенно другое*, совершенно въ другой формѣ, можетъ быть равносильное, можетъ быть высшее по достоинству, но только совершенно *другое*, чѣмъ теперешнія «Египетскія ночи»,

1) И въ 1861 году Клеопатра, напримѣръ, сравнивается съ «мрачно-фантастическимъ, страшнымъ гадомъ... паукомъ, самка котораго съѣдаетъ, говорятъ, своего самца въ минуту своей съ нимъ сходки».

2) Мы имѣемъ въ виду слѣдующія изданія: Изд. 1883 г., Н. Н. Страхова; шеститомное изд. 1885—6 гг. (со вступ. статьей Д. Аверкіева); изд. 1888—9 гг. (со вступ. статьей К. Случевскаго); изд. 1894—5 гг. А. Маркса; 6-е (юбилейное) изд. 1906 г. А. Г. Достоевской (въ 14 тт.); 7-е изд. того же года (въ 12 тт.); изд. 1911 г. Фирмы «Просвѣщеніе».

3) См. «О. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ» Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чешихина), стр. 70.

и слѣдовательно утратило бы все впечатлѣніе и всю мысль тѣхъ нерешенныхъ «Египетскихъ ночей». Пушкину именно было задачей (если только возможно, чтобъ онъ заранѣе задавалъ своему вдохновенію задачи) представить моментъ Римской жизни и только одинъ моментъ, но такъ, чтобъ произвести имъ наиболѣе полное духовное впечатлѣніе, чтобъ передать въ нѣсколькихъ стихахъ и образахъ весь духъ и смыслъ этого момента тогдашней жизни такъ, чтобъ по этому моменту, по этому уголку предугадывалась бы и становилась бы понятною вся картина. И Пушкинъ достигъ этого и достигъ въ такой художественной полнотѣ, которая является намъ какъ, чудо поэтическаго искусства...

«Тутъ до того ярки нѣкоторыя подробности, что приходишь въ изумленіе и благоговѣніе передъ художественной силой поэта. Часто иная изъ такихъ подробностей очерчивается здѣсь однимъ стихомъ, однимъ словомъ, однимъ намекомъ, но до того цѣльно, мѣтко и полно, что этотъ стихъ не забывается. Онъ переходитъ въ потомство и становится выраженіемъ нарицательнымъ для извѣстнаго рода понятій; правда, эти подробности доведены именно до такого предѣла, что прибавьте еще хоть одну какую-нибудь лишнюю подробность,—и цѣльное впечатлѣніе картины можетъ быть исчезло бы передъ вами. Тутъ все составляетъ одинъ аккордъ; каждый ударъ кисти, каждый звукъ, даже ритмъ, напѣвъ стиха,—все принаровлено къ цѣльности впечатлѣнія».

Далѣе Достоевскій защищаетъ это стихотвореніе Пушкина отъ нападокъ «Русскаго Вѣстника», возмущавшагося «выраженіями страстности, которыя звучатъ въ словахъ Клеопатры».

«Далось вамъ это *«послѣднее выраженіе страсти»*, обращается онъ къ «Русскому Вѣстнику».—Но послушайте, неужели вы думаете, что еслибъ статуи Венеры Медицѣйской и Милосской, при всемъ томъ, что онѣ представляютъ собою цѣломудренныя образы и самое тонкое выраженіе стыдливости, привезенныя въ Москву къ нашимъ простодушнымъ предкамъ, во времена хоть, напримѣръ, Алексѣя Михайловича, могли бы произвести на нихъ какое-нибудь другое впечатлѣніе, кромѣ грубаго и даже можетъ

быть соблазнительнаго? Не говоримъ, чтобъ и тогда совершенно не было людей развитыхъ; мы говоримъ вообще о впечатлѣніи, которое бы произвели тогда на отцовъ нашихъ эти нѣмецкіе «болваны». И неужели мы не правы, говоря, что надо быть высоко очищеннымъ, нравственно и правильно развитымъ, чтобы взирать на эту божественную красоту не смущаясь. *Цѣломудренность* образа не спасетъ отъ грубой и даже можетъ быть грязной мысли. Нѣтъ, эти образы производятъ высокое, божественное впечатлѣніе искусства потому именно, что они сами произведеніе искусства. Тутъ дѣйствительность преобразилась, *пройдя черезъ искусство*, пройдя черезъ огонь чистаго, цѣломудреннаго вдохновенія и черезъ художественную мысль поэта.

«Это тайна искусства и о ней знаетъ всякій художникъ. На неприготовленную же, неразвитую натуру или на грубо-развратную даже и искусство не оказало бы всего своего дѣйствія. Чѣмъ развитѣе, чѣмъ лучше душа человѣка, тѣмъ и впечатлѣніе искусства бываетъ въ ней полнѣе и истиннѣе. Но вотъ вопросъ: почему именно вы думаете, что «Египетскія ночи» хоть и произведеніе искусства, но, будучи фрагментомъ (дался вамъ этотъ фрагментъ!) и будучи послѣднимъ выраженіемъ страсти (опять-таки это послѣднее выраженіе страсти), не могутъ произвести чистаго художественнаго впечатлѣнія, а напротивъ произведутъ зазорное и непозволительное. Ужъ не приравниваете ли вы «Египетскія ночи» къ сочиненіямъ маркиза де-Сада? Фрагментность и неоконченность произведенія не могла, по вашему, бросить свой покровъ на то, что никогда не должно быть открытою тайной. Но, во-первыхъ, гдѣ тутъ и какая тутъ открытая тайна? Доходитъ ли тутъ дѣло до открытія тайны? И, наконецъ, такъ ли вы понимаете «Египетскія ночи», то ли вы въ нихъ видите, что надо видѣть и что поневолѣ видишь, если только хоть сколько-нибудь способенъ чувствовать поэзію и подчиняться обаянію искусства. Напротивъ, по нашему тутъ впечатлѣніе страшнаго ужаса, а не впечатлѣніе «послѣдняго выраженія». Мы положительно увѣрены теперь, — подъ этимъ «послѣднимъ выраженіемъ» вы разумѣете

что-то маркизь-де-Садовское и клубничное. Но вѣдь это не то, совсѣмъ не то! Это значитъ самому потерять настоящій, чистый взглядъ на дѣло. Это *послѣднее выраженіе*, о которомъ вы такъ часто толкуете, по вашему дѣйствительно можетъ быть соблазнительно, по нашему же въ немъ представляется только извращеніе природы человѣческой, дошедшее до такихъ ужасныхъ размѣровъ и представленное съ *такой точки зрѣнія* поэтомъ (а точка зрѣнія-то и главное), что производитъ вовсе не клубничное, а потрясающее впечатлѣніе. У Пушкина импровизаторъ, представъ предъ публикой Сѣверной Пальмиры, былъ тоже встрѣченъ смѣхомъ, когда простодушно спросилъ: «о какихъ любовникахъ тутъ говорится, *perche la grande regina haveva molto* (у великой царицы ихъ было много). Эта публика состояла тоже изъ знатоковъ и ходаковъ по клубничной части. Тутъ было много, «два журналиста въ качествѣ литераторовъ», тоже должно быть тертые калачи. Жаль, что Пушкинъ не передаетъ намъ впечатлѣнія, произведеннаго импровизаціей на этихъ слушателей...

«Но припомнимъ сами эту импровизацію, провѣримъ сами это впечатлѣніе.

«Пиръ; его картина. Царица была весела, она оживляла своихъ гостей, но вотъ она задумалась, она склонилась головой надъ золотой чашей; гости безмолвны, все молчитъ. Эти гости вѣроятно знаютъ свою царицу и ждутъ чего-нибудь чрезвычайнаго. Это рабы ея; а она—это представительница того общества, подъ которымъ уже давно пошатнулись его основанія. Уже утрачена всякая вѣра; надежда кажется однимъ бесполезнымъ обманомъ; мысль тускнѣетъ и исчезаетъ: божественный огонь оставилъ ее; общество совратилось и въ холодномъ отчаяніи предчувствуетъ передъ собой бездну и готово въ нее обрушиться. Жизнь задыхается безъ цѣли. Въ будущемъ нѣтъ ничего; надо требовать всего у настоящаго, надо наполнить жизнь однимъ насущнымъ. Все уходитъ въ тѣло, все бросается въ тѣлесный развратъ и, чтобы пополнить недостающія высшія духовныя впечатлѣнія,

раздражаетъ свои нервы, свое тѣло всѣмъ, что только способно возбудить чувствительность. Самыя чудовищныя уклоненія, самыя ненормальныя явленія становятся мало по малу обыкновенными. Даже чувство самосохраненія исчезаетъ».

Въ такихъ чертахъ рисуется Достоевскому упадочное общество Александрии временъ Клеопатры...

Это общество, едва очерченное Пушкинымъ, воспринимается Достоевскимъ совершенно въ тѣхъ же чертахъ, что и современное ему русское общество, которое онъ будетъ позже изображать въ своихъ романахъ. Вѣдь и самъ онъ всю жизнь писалъ о «великомъ и миломъ нашемъ больномъ, о нашей Россіи», объ ея обществѣ, подъ которымъ тоже *«пошатнулись его основанія»*¹⁾, и о мрачномъ, «самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ», гдѣ «непримѣтно, почти таинственно, среди... крошечнаго ада безсмысленной и ненормальной¹⁾ жизни», совершается что-то «фантастическое, мрачное ...нашего времени случаи, когда помутилось сердце человѣческое, когда цитруется фраза, что кровь «освѣжаетъ», когда вся жизнь проповѣдывается въ комфортѣ»...

Но обратимся опять къ статьѣ: «Клеопатра—представительница этого общества. Ей теперь скучно; но эта скука посѣщаетъ ее часто. Что-нибудь чудовищное, ненормальное, злорадное еще могло бы разбудить ея душу. Ей нужно теперь сильное впечатлѣніе. Она уже извѣдала всѣ тайны любви и наслажденій, и передъ ней маркизъ де-Садъ можетъ быть показался бы ребенкомъ. Развратъ ожесточаетъ душу, и въ ея душѣ давно уже есть что-то способное чувствовать мрачную, болѣзненную и проклятую радость отравительницы Бренвелье при видѣ своихъ жертвъ. Но это душа сильная, сломить ее еще можно не скоро; въ ней много сильной и злобной ироніи. И вотъ эта иронія зашевелилась въ ней теперь. Царицѣ захотѣлось удивить всѣхъ этихъ гостей своимъ вызывомъ; ей хотѣлось насладиться своимъ пре-

1) Курсивъ нашъ.

зрѣніемъ къ нимъ, когда она броситъ имъ этотъ вызовъ въ глаза и увидитъ ихъ трепеть и почувствуетъ въ себѣ стукъ этихъ дрогнувшихъ страстью сердецъ. Но ея мысль уже овладѣла и ея душою вполнѣ. Страсть уже пробѣжала ядовитой струей и по ея нервамъ. О, теперь и ей хотѣлось бы, чтобы приняли ея чудовищный вызовъ! Сколько неслыханнаго сладострастія и неизвѣданнаго еще ея наслажденія! Сколько демонскаго счастья цѣловать свою жертву, любить ее, на нѣсколько часовъ стать рабой этой жертвы, утолить всѣ желанія ея всѣми тайнами лобзаній, нѣги, бѣшеной страсти и въ то же время сознавать каждую минуту, что эта жертва, этотъ минутный властитель ея заплатитъ ей жизнью за эту любовь и за гордую дерзость своего мгновеннаго господства надъ нею. Гienна уже лизнула крови: ей грезится теплый паръ ея; онъ будетъ ей грезиться и въ послѣднемъ моментѣ наслажденія. Бѣшенная жестокость уже давно исказила эту божественную душу и уже часто низводила ее до звѣринаго подобія. Даже и не до звѣринаго; въ прекрасномъ тѣлѣ ея кроется душа мрачно-фантастическаго, страшнаго гада: это душа паука, самка котораго съѣдаетъ, говорятъ, своего самца въ минуту своей съ нимъ сродки. Все это похоже на отвратительный сонъ. Но все это упоительно, безмѣрно — развратно и... страшно!...»

Вдумываясь въ эту характеристику Пушкинской Клеопатры, невольно вспоминаешь «бѣсовъ и бѣсенятъ» Достоевскаго, князя Валковскаго («Униженные и оскорбленные»), «подпольнаго» человѣка («Записки изъ подполья»), Свидригайлова («Преступленіе и наказаніе»), Ставрогина («Бѣсы»), Карамазовыхъ («Братья Карамазовы»); такая же душа, какъ у Клеопатры, кроется и въ этихъ людяхъ «съ лицомъ-маской», въ этихъ бездомныхъ скитальцахъ, живущихъ «чтобъ проходить мимо», утратившихъ способность различать добро и зло, «идеаль Мадонны и идеаль Содомскій»; имъ, потерявшимъ свои святыни и забывшимъ, что можно искать ихъ, остался одинъ исходъ, одна точка опоры, — развратъ, въ которомъ, «по крайней мѣрѣ, есть нѣчто постоянное, основан-

ное даже на природѣ и не подверженное фантазіи, нѣчто всегдашнимъ разожженнымъ уголькомъ въ крови пребывающее, вѣчно поджигающее»¹⁾; въ немъ—послѣдняя зацѣпка за жизнь, не будь которой, «пришлось бы пожалуй застрѣлиться»; развратъ ихъ, какъ и развратъ Клеопатры,—ихъ субстанція, нѣчто неотъемлемое, исчерпывающее ихъ сущность: «любилъ развратъ, любилъ и срамъ разврата... сказано—Карамазовъ»... «Есть такая сила, что все выдержитъ,—говоритъ Иванъ.—Карамазовская... сила низости Карамазовской... это потонуть въ развратѣ». И какъ Египетская царица, они жестоки и злорадны въ своемъ развратѣ; въ немъ таится «злая иронія», вызовъ и насмѣшка надъ тѣмъ, что свято и неприкосновенно для другихъ: «наглость обмана, насмѣшка надъ всѣмъ, о чемъ графиня проповѣдывала въ обществѣ, какъ о высокомъ,... дьявольскій хохотъ и сознательное попираніе всего, чего нельзя попирать» больше всего плѣняло князя Валковского въ его любовницѣ; «подпольный человѣкъ», погружаясь въ «темный, подземный развратишко», умѣетъ смаковать, наслаждаться мучительствомъ; онъ знаетъ свое родство съ Египетской царицей: «Говорять, Клеопатра любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ»²⁾,—говоритъ онъ; «любилъ развратъ, любилъ и срамъ разврата. Любилъ жестокость»³⁾, кается Митя Карамазовъ. «Инфернальница, царица всѣхъ инфернальницъ, царица наглости»,—Грушенька, какъ и царица Клеопатра, не просто ищетъ паденія Алѣши, а хочетъ «проглотить»²⁾, «сѣсть»²⁾...

Всѣхъ сладострастниковъ Достоевскаго сопутствуетъ прообразъ царицы,—«мрачно-фантастическій гадъ... паукъ и т. д.»¹⁾. Впервые въ творествѣ Достоевскаго мы встрѣчаемся съ этимъ образомъ паука въ X-ой главѣ III части романа «Униженные и

1) «Преступленіе и наказаніе». Изд. А. Маркса, стр. 467.

2) «Записки изъ подполья», Изд. А. Маркса, стр. 88.

3) Курсивъ нашъ.

оскорбленные», гдѣ описывается разговоръ Ивана Петровича и князя Валковскаго въ ресторанѣ¹⁾.

Иногда этотъ паукъ для Достоевскаго только образное выраженіе, метафора. Князь Валковскій производитъ на Ивана Петровича «впечатлѣніе *какого-то гада, какого-то огромнаго паука*²⁾, котораго ему ужасно хочется раздавить»; «подпольному герою» «вдругъ ярко представляется нелѣпая, отвратительная, *какъ паукъ*³⁾, идея разврата» и т. д. Но позже паукъ Достоевскаго вырастаетъ въ символъ идеи потусторонней пустоты и этического безразличія, которая должна предстать во всемъ своемъ безобразіи передъ тѣми, кто «не знаетъ различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою шуткой и какимъ угодно подвигомъ». «А что, если тамъ одни пауки или что-нибудь въ этомъ родѣ—говоритъ Свидригайловъ,—.... представьте себѣ, будетъ тамъ одна комнатка, этакъ вродѣ деревенской бани, закомптѣлая, а по всѣмъ угламъ пауки, и вотъ и вся вѣчность... можетъ-быть это и есть справедливое³⁾; Ипполитъ («Идіотъ»), который узнаетъ, наконецъ, что жить осталось «мѣсяць и никакъ не болѣе», видитъ «дурные сны»: «онъ въ одной комнатѣ (но не въ своей)... въ этой комнатѣ онъ замѣчаетъ одно животное, какое-то чудовище. Оно было вродѣ скорпіона, но не скорпіонъ, а гадже и гораздо ужаснѣе... въ немъ заключается что-то роковое и какая-то тайна»⁴⁾; наконецъ, Лизѣ Тушиной («Бѣсы») мерещится, что Ставрогинъ заведетъ ее въ какое-нибудь мѣсто, «гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческой ростъ»...

Но что заставляло Достоевскаго такъ неуклонно обращаться все къ однимъ и тѣмъ-же образамъ «пауковъ»—сладострастниковъ, неуклонно стремиться изобразить послѣднюю степень паденія человѣческой личности? Какой смыслъ, какое назначеніе

1) Знаменательно, что эта глава впервые была напечатана въ той же V-ой книгѣ журнала «Время» за 1861 г., что и статья о «Египетскихъ ночахъ».

2) Курсивъ нашъ.

3) «Преступленіе и наказаніе». Изд. А. Маркса, стр. 286.

4) «Идіотъ». Изд. А. Маркса, стр. 420—421.

видѣлъ самъ Достоевскій въ этихъ своихъ герояхъ? Конѣцъ его статьи какъ-бы отвѣчаетъ на эти вопросы. «... Демонскій восторгъ наполняетъ душу царицы, и она гордо бросаетъ свой вызовъ. Но не является никто; она видитъ ужасъ, испугъ на лицахъ гостей своихъ и съ безконечнымъ презрѣніемъ обводитъ ихъ взглядомъ. Но страстью дрогнули сердца; нашлись трое—они выходятъ. Вызовъ принять».

«Жрецы вынимаютъ жребіи. Первый—Флавій. Это старый солдатъ: онъ посѣдѣлъ въ Римскихъ дружинахъ и въ битвахъ за республику. Ему не надо наслажденій. Онъ принялъ вызовъ, потому что въ немъ воспрянула гордая душа римлянина, не могшая снести презрѣнія отъ женщины. Конечно: это только тупая гордость, это ограниченное чувство воинской чести, но это чувство благородное, смѣлое; это уже *человѣкъ*¹⁾, а не рабъ; стало-быть, еще не все потеряно; развратъ и разрушеніе не охватили еще своимъ огнемъ всего, не спалили, не заразили еще всей души общества. Въ немъ еще есть силы для борьбы, но на долго ли! Смотрите на представителей будущаго: вотъ Критонъ, молодой эпикуреецъ: его божество—Киприда, его культъ—наслажденіе. Онъ еще молодъ; еще слишкомъ велики въ немъ жизненные силы; онъ отдается наслажденію со всѣмъ жаромъ молодости и необъятныхъ силъ ея; но вѣдь это только молодость. Онъ дѣлаетъ хорошо, что умираетъ теперь, когда его впечатлѣнія еще свѣжи и богато-жизненны. Онъ еще не знаетъ ни разочарованія, ни отчаянія... Еслибъ онъ остался жить, онъ бы присутствовалъ при извѣстномъ, чудовищномъ бракѣ Нерона, записанномъ въ исторіи...

«Но душа поэта сама не вынесла этой картины; онъ не кончилъ бы съ Клеопатрой-гѣенной, и на одно мгновеніе онъ очеловѣчилъ свою гѣенну. Вотъ отрокъ; его имя неизвѣстно; но восторгъ любви сіяетъ въ очахъ его; неопытная сила юной, безпредѣльной страсти кипитъ въ молодомъ его сердцѣ. Онъ съ ра-

1) Курсивъ Достоевскаго.

достью, даже съ благодарностью отдаеть свою жизнь; онъ о ней и не думаетъ; онъ глядитъ въ лицо царицы и въ глазахъ его столько упоенія, столько безпредѣльнаго счастья, столько свѣтлой любви, что въ гѣннѣ мгновенно проснулся человѣкъ,—и царица съ умиленіемъ взглянула на юношу. Она еще могла умиляться!

«Но только на одно мгновеніе. Человѣческое чувство угасло, но звѣрскій дикій восторгъ вспыхнулъ въ ней еще сильнѣйшимъ пламенемъ, можетъ быть, именно отъ взгляда этого юноши. О, эта жертва всѣхъ болѣе сулитъ наслажденій! Замирая отъ своего восторга царица торжественно произноситъ свою клятву. ... Нѣтъ, никогда поэзія не восходила до такой ужасной силы, до такой сосредоточенности въ выраженіи паѳоса! Отъ выраженія этого адскаго восторга царицы холодѣетъ тѣло, замираетъ духъ... и вамъ становится понятно, къ какимъ людямъ приходилъ тогда нашъ Божественный Искупитель. Вамъ понятно становится и слово: Искупитель...¹⁾»

«И странно была бы устроена душа наша, еслибъ вся эта картина произвела бы только одно впечатлѣніе на счетъ клубнички!»

Именно такимъ путемъ, путемъ рѣзкихъ контрастовъ, шель самъ Достоевскій въ своихъ религіозно-художественныхъ исканіяхъ, и въ этомъ смыслъ и значеніе его упадочныхъ героевъ. Онъ всегда стремился достигъ наивысшей силы отрицанія, стремился изобразить наибольшее искаженіе человѣческой природы, произносилъ свое *contra*¹⁾, чтобы тѣмъ ярче отгнать свое пріятіе Бога и міра, тѣмъ понятнѣе сдѣлать «слово: Искупитель», тѣмъ выше поднять человѣческую личность въ своихъ свѣтлыхъ образахъ,—тѣмъ сильнѣй и правдивѣй сказать свое *pro*. Въд все его творчество есть непрерывное стремленіе преодолѣть міръ пауковъ, преодолѣть «идеалъ Содомскій», уничтожить «одинаковость наслажденія въ обоихъ полюсахъ» и прійти, наконецъ, къ

1) Курсивъ нашъ.

одному только «идеалу Мадонны», къ «восторженному, ликующему всеобщему возгласу: «Носанна»...

Такова связь между критическимъ этюдомъ Достоевскаго о «Египетскихъ ночахъ» Пушкина и его дальнѣйшимъ творчествомъ.

Важно отмѣтить, что этюдъ этотъ написанъ въ 1861 году, Свидригайловъ же, Ставрогинъ и другіе сладострастники Достоевскаго созданы значительно позже. Поэтому, если А. Д. Градовскій могъ сказать, что «во всей рѣчи (о Пушкинѣ) чувствуется, что Пушкина комментируетъ именно авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ»¹⁾, то мы теперь можемъ выразиться иначе, — въ авторѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» отчасти чувствуется комментаторъ «Египетскихъ ночей» Пушкина...

Все сказанное помогаетъ уяснить роль пушкинскаго творчества въ творествѣ Достоевскаго. 1861 годъ—одинъ изъ счастливыхъ и знаменательныхъ годовъ въ жизни Федора Михайловича; это—исключительный годъ по напряженности его внутренней работы, — онъ завершаетъ старое романомъ «Униженные и оскорбленные» и уже предугадываетъ новые пути, новыя творческія возможности: создается князь Валковскій, новый образъ, не имѣющій себѣ прототиповъ въ прежнемъ творествѣ Достоевскаго. И вотъ, уже предчувствуя въ князѣ Валковскомъ и Свидригайлова, и Ставрогина, Достоевскій обращается къ Пушкину, къ «Египетскимъ ночамъ» и ищетъ тутъ какъ бы провѣрки, какъ бы оправданія своихъ новыхъ художественныхъ замысловъ.

В. Комаровичъ.

19²²_{хII} 15 г.

1) А. Д. Градовскій, «По поводу рѣчи Достоевскаго» — «Голосъ» 1880 г., № 171.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1916 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

